

Скрипка и вся жизнь

Владимир Спиваков читает письма

В РЯДУ НАШИХ лучших музыкантов имя народного артиста РСФСР Владимира Спивакова занимает особое место. На его концертах музыка становится близкой и понятной всем, даже тем, кто прежде был далек от нее. Люди пишут артисту письма, маленькие аккумуляторы душевного тепла. Эта волна благодарности и внимания сделала возможной и нашу встречу: как сказано в одном из писем, «хочется понимать, а для этого надо знать», чем живет любимый артист, что радует и волнует его в жизни.

Сейчас же ко всем его обычным нагрузкам, которые лучше назвать перегрузками, прибавилась еще одна, самая прозаическая, неотвратимая: переезд на новую квартиру и ремонт.

Итак, спустя несколько месяцев после телефонной договоренности, я пришла к Владимиру Теодоровичу. Мы сидим в небольшом кабинете, как на маленьком островке прежней жизни посреди хаоса переезда. Привычно стоят книги и ноты, на стенах картины и рисунки.

— Иногда становится особенно заметно, как быстро летит время, — говорит Владимир Теодорович. — В мае прошло пятидесятое выступление «Виртуозов Москвы». Официально день нашего рождения — 15 июня 1982 года, когда мы стали называться Государственным камерным оркестром Министерства культуры СССР.

Разумеется, я не считаю, что для меня выступления в качестве солиста закончены. Как скрипач я, конечно, имею гораздо меньше возможностей работать, но тем не менее, собираюсь посвятить всю первую половину 1988 года почти исключительно скрипке.

*Хотелось бы, чтобы надежды оправдались
и мечты сбылись.*

В. Спиваков

— Владимир Теодорович, ваш оркестр имеет огромный, просто ошеломляющий успех и у нас, и за рубежом. Вот названия статей о ваших весенних гастрольях: «выдающийся камерный оркестр мира» («Пари-матч»); «Чудо-оркестр» («Зюд-Дойче цайтунг»). В чем секрет?

— Мне удалось самому выбирать коллег, всех без исключения. В оркестре нет ни одного «позвоночника». А критерии отбора были профессиональные, разумеется, и человеческие. И я даже не могу сказать, что важнее.

— На телевизионном вечере вы сказали о правиле в вашем оркестре: никто ни на кого у вас не обижается. Значит ли это, что музыканты могут делать замечания дирижеру?

— Разумеется. Они их и делают. Я ведь уже говорил, у нас в оркестре демократия.

— Но существует мнение, что дирижер, как и режиссер в театре, должен быть немножко диктатором, держать своих артистов «в кулаке», иначе, говорят, страдает порядок, все начинает разваливаться...

— Я этого не нахожу. Уверен, что проблемы дисциплины возникают, когда в коллективе не хватает культуры. Культуры человеческого общения. Мне кажется, у нас существует достаточно высокая этика отношений.

У нас есть худсовет. В год наш оркестр дает около ста концертов, это, может быть, рекорд для коллектива такого рода, во всяком случае, очень много. Часто считают, что мы почти весь сезон выступаем за границей. Так вот, из этих ста концертов примерно шестьдесят семь — шестьдесят восемь мы даем в нашей стране. И стараемся планировать свои гастроли не только по крупным городам, но и по небольшим. Недавно были с концертами в Полоцке, Тарту, Кургане, Перми. Словом, едем туда, где нас ждут. Кстати, никаких специальных программ «для провинции» мы не готовим, никаких скидок на «неподготовленность» не делаем. В Курган, например, привезли Камерную симфонию Шостаковича, в Пермь — Стравинского.

— А как вы относитесь к участию в концертах музыковедов, знающих с произведениями?

— К сожалению, талантливые выступления случаются редко. А с другими выходить к слушателям не стоит. Ведь их интересуют не формальные данные, а другое: почему композитор написал именно так, какая мысль определила его стиль? В книге об Эдварде Фишере есть такая история: когда высокопоставленные особы дарили маленькому Моцарту после его концертов сувениры и игрушки, он спрашивал, заглядывая им в глаза: «Значит, это правда, что вы меня любите?» Фишер считает, что эта фраза стоит иной солидной монографии. Я с ним полностью согласен. Вы чувствуете наивность и трогательность чистой души Моцарта-ребенка, но эти же качества слышны и в последних сочинениях композитора.

Разговор вновь возвращается к музыке, и Владимир Теодорович упоминает о благотворительных концертах «Виртуозов Москвы». Мы чаще слышим о шефской работе, но тут действительно больше подходит это старомодное красивое слово.

— Каждую свою поездку в Японию мы начинаем с концерта в фонд помощи больнице для жертв атомной бомбардировки в Хиросиме, где и сейчас лечится около трех тысяч пострадавших. В последний приезд мы дали такой же концерт в Нагасаки. В Стамбуле мы играли в помощь крупнейшей детской больнице города, в Испании — в фонд помощи детям, страдающим полиомиелитом. Были у нас выступления в фонд Чернобыля, первое из них на фестивале «Киевская весна» в мае,

спустя всего две недели после трагедии. Концерты в фонд мира, в фонд коммунистического субботника — наша традиция.

— Многие ваши солисты молоды — пианист Александр Палей, певица Анастасия Давтян, вьетнамский пианист Данг Тхай Шон. Станислав Бунин выступал с вами еще задолго до своей победы на конкурсе Шопена, а Жене Кисину, когда он вышел на сцену вместе с «Виртуозами Москвы» было всего одиннадцать лет. Почему рядом с вашим именем так часто появляются новые имена?

— Видите ли, я и сам не так давно был молод и хорошо помню, как непросто быть молодым. И я с благодарностью вспоминаю тех, кто поддержал меня. Это мой профессор в консерватории Юрий Исаевич Янкевич, дирижеры Евгений Светланов, Юрий Темирканов, профессор дирижирования Израиль Борисович Гус-

ман, который помог мне овладеть профессией дирижера...

— Владимир Теодорович, теперь, наверное, ни одна встреча с музыкантом не обходится без разговора об эстраде. Многие наших читателей интересуют ваше отношение к ней.

— Теперь в этой области музыки положение изменилось, появилось гораздо больше возможностей услышать, на что способны музыканты. И хлынул железный поток всяческих рок-направлений. Я не против этого. Мне кажется, просто нужно время, чтобы осталось истинно талантливое, а остальное отсеклось. Золото намывается только со временем. Все совершенно естественно — эту музыку долго запрещали, старались не замечать, что в ней молодежь видит свое средство общения. В этом явлении мне вообще видится не столько музыкальное, сколько социальное движение.

— Недавно открывшийся Клуб содружества наук, о котором писал «Московский комсомолец», одной из первых тем своих дискуссий назвал альтернативу: металл-рок или «Виртуозы Москвы». Даже само имя вашего оркестра стало символом!

— Меньше всего мы думали о том, чтобы противопоставлять себя чему-либо. Мы просто профессионально и охотно занимаемся своим делом, чего я от всей души желаю и ансамблям рок-музыки.

Когда-то Петр I сказал адмиралу Апраксину, вручая инструкцию Камчатских экспедиций: «Ограда Отечества от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки». Об этом стоит задуматься.

В темной комнате загадочно и тревожно мерцают желтые цветы. С удивлением узнаю: автор натюрморта — Владимир Спиваков.

— Когда-то я занимался живописью под руководством московского художника Александра Васильевича Буторова, это был удивительный человек, кристальной внутренней чистоты. Увлечение пришло в последние годы учебы в ЦМШ и продолжалось в консерватории. Тогда я снимал угол на улице Кирова. Живопись так захватила меня, что я всерьез думал бросить музыку. Наверно, это мое состояние почувствовал и Юрий Исаевич Янкевич, который воспрепятствовал моим занятиям живописью. Во многом благодаря его настойчивости музыка все-таки взяла верх.

— Что, по вашему мнению, является движущей силой творчества?

— Пожалуй, главное — страсть к познанию. Каждый день читаю, для меня это необходимо. Особенно сейчас, когда выходит так много интересного, хочется успеть как можно больше. И хочется верить, что благотворный процесс открытия самих себя (я имею в виду гигантские пласты русского, советского искусства и литературы) будет продолжаться. Сколько еще имен наших соотечественников, которых мы не знаем или знаем недостаточно, можно считать путеводными звездами развития мировой культуры! Мы должны знать свои корни.

— Какие черты в музыкантах и вообще в людях вам особенно дороги?

— Мужество. Правда. Доброта. Любовь и сочувствие к людям.

Невольно подумалось: именно эти качества составляют суть вдохновенного искусства Спивакова: правда, поддерживаемая мужеством и согретая добротой человечности.

ЖИЩИ и ВРАУ

вела Елена ВЕЙСПАК.

М читателей «Московского

комсомольца».